

10.04.2003

Михаил Пореченков:

МНЕ ЕСТЬ ЧТО СКАЗАТЬ АГЕНТУ 007

Пореченков Михаил

– Россия может спать спокойно, когда на страже такой агент национальной безопасности?

– (Мужественно улыбается) Россия может вообще спать спокойно с таким набором хороших артистов. А если серьезно... Трудно сказать. Помогаем своей Родине, чем можем. Мы не в силах делать все. Мы не волшебники, мы только учимся.

– У вас был такой трудный поход за актерской карьерой: сначала военно-строительное училище, из которого вас выгнали за десять дней до выпуска...

– Да. Но желание освоить профессию всегда присутствовало. Просто иногда по воле обстоятельств оно было задавлено, потом прорывалось-прорывалось... Как говорят люди: «Хочется петь». Вот так и у меня. Как бы ни прятал, как бы ни обманывал судьбу – все равно это произошло. И поступил я с первого захода, без каких-либо колебаний. Я шел как бык на красный свет, и ни разу не боялся, что не поступлю.

– А что читали на вступительных?

– Я много чего читал. Сначала приехал с Маяковским и с отрывками из «Поднятой целины», всех жутко удивил. А с чем я еще мог из военного училища явиться? Потом уже была лирика – Пушкин, Есенин. Не то чтобы сразил приемную комиссию, но внутренний огонь настолько сильный, что не заметить было трудно. Да и педагог наш умел видеть в этих булыжниках, которые приходят, проблеск, прожилку драгоценного металла. Так что максимум желания и минимум умения – и все получится.

– В вас эту самую прожилку как разрабатывали?

– По всякому. Выполняли тогда столько заданий, что сейчас нам такое и не снится. Мы, наверное, надорвемся, если попробуем проделать хотя бы половину из тех упражнений, что поручали нам в студенческие годы! Пахали с утра до вечера. Каждый день придумывали огромное количество этюдов. У нас была «Летопись», «Напиток», «Взгляд», «Зачин». Миллиарды специальных заданий... И никогда не было чего-то простого и веселого. Изображая человека, мы пытались сразу проникнуть в его душу, понять, что за этим стоит, где болевая точка. Всякие чайники-утоги тоже играли.

– Леха Николаев сильно отличается от Михаила Пореченкова?

– Конечно! Он самостоятельный человек, живет своей жизнью. Он сам по себе, я сам по себе.

– И ничего общего?

– (Улыбается) Ну, разве что я! Леха внешне на меня похож. По-моему, в остальном мы просто жутко разные.

– Расскажите, как стали «агентом»?

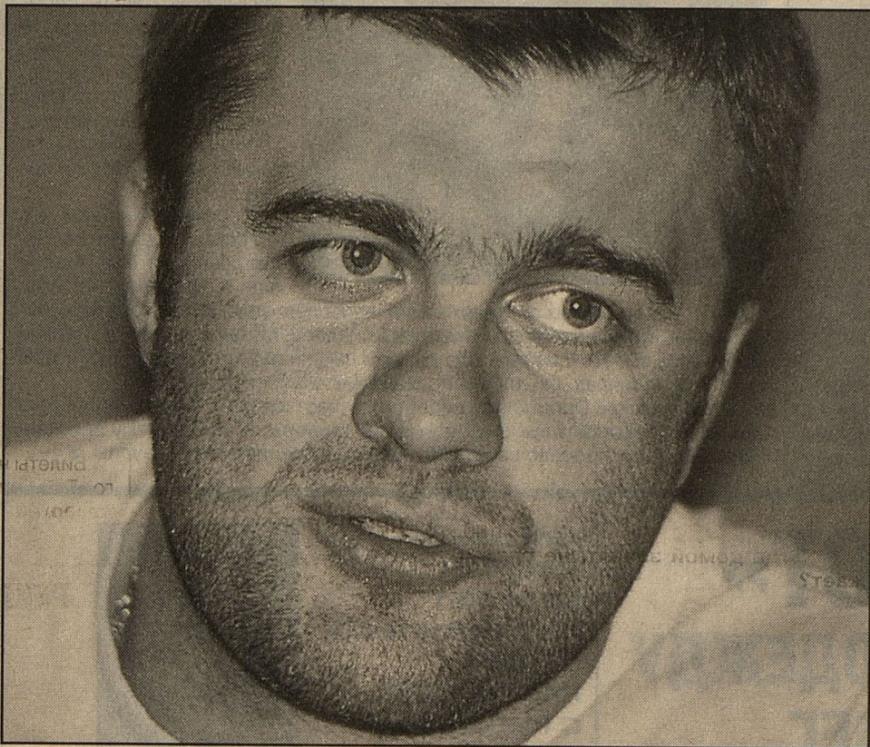
– Был большой отбор. Приехала комиссия ТНТ и НТВ в Петербург, из четырех или пяти претендентов выбрали меня.

– А поговаривают, будто вы пригласили женской части съемочной группы, и потому попали на главную роль...

– Есть такая красивая легенда. Ладно, не будем ее опровергать, скажем (пафосно): да, так и было!

– На съемках детективного сериала вообще туго приходится?

– Сложные трюки, связанные с высоким травматизмом, конечно, выполняют каскадеры. Человек, который постоянно меня заменяет, – Володя Севастьянин, он и по комплекции на меня похож. А то, что можно делать самому, я осиливаю. Дерусь, грузовики вожу. На скорости вылезая из машины. Прыжки с небольшой высоты... Много чего. В общем, все то, что может сделать человек с нормальной физической подготовкой.

Михаил Пореченков очень обаятельный. Это знают все, с этим никто не спорит. Он неподражаем в роли сыщика и артистичен в театральных ролях. Считает себя слегка недооцененным и храбро берется за любую работу. В жизни он похож на бодибилдера: в джинсах, футболке, с походкой вперевалочку, накачанный и серьезный. Первое время пугаешься, потом понимаешь: перед тобой приветливый человек, живо реагирующий на вопросы, легко общающийся, смешливый. Мы приехали к нему на репетицию спектакля «Сирано» – одну из первых. Зрелище получилось забавное: на сцене двое – Сирано де Бержерак в исполнении Пореченкова и его друг Ле Бре. Актеры пока прикалываются и часто заменяют роستانовский текст. Причем Пореченков делает это более чем убедительно. Он стоит, суровый и сосредоточенный, выслушивая реплику партнера, а потом выдает что-нибудь совершенно неожиданное. Например: «Ты любишь, Сирано?» – «Уже который год!» – «Кого же любишь ты?» – «Увы, хвалиться нечем: Алсу» – «Проблемы?» – «В папе». Дальше все, включая режиссера, долго смеются и полностью забывают о цели репетиции.

ФОТО ИГОРЯ ИВАНДИКОВА

– Вы, конечно, ни за что не признаетесь, подставные у вас участники или это реальные люди?

– (Хитро улыбаясь, подмигивая) Я никогда ни в чем не признаюсь, потому что у меня подписан контракт.

– Самый маленький гонорар за всю жизнь?

– Секрет фирмы! Невозможно разглашать (улыбается). Ну ладно... Это было семь рублей двадцать пять копеек, и заработал я их в шестом классе на зерносушилке, ночами. Отработывал так называемую практику в псковской деревне.

– Вообще в детстве хулиганом были?

– Мне кажется, я спокойным был. Не помню уже. Хотя одно время меня держали взаперти. Когда выпускали, я просто сносил все, что находилось на высоте моего роста. Но это у всех детей такой период бывает – подвижности повышенной. А так вообще тихий был.

– А по жизни вы хулиган?

– Я в меру хулиган. По году я Петух, поэтому находят иногда моменты зажигания. Но не безголовый, могу вовремя остановиться. Рамки закона не переступаю.

– Если бы встретились с агентом 007 Пирсом Броснаном, о чем бы поговорили?

– Не знаю... Если б я еще на английском умел общаться (смеется). На самом деле, это уже большой кинематограф. Я не работал в боевиках такого масштаба. Играл в больших драматических фильмах, но не в блокбастерах. А вообще было бы интересно посмотреть технологию, как это все делается, это же колоссальная индустрия. Наверное, об этом бы и поговорили. Ничего личного.

– Номер бы какой себе присвоили?

– 001 пускай будет. Если честно, не хотелось бы никаких номеров.

– Вы занимались боксом: нокаутировали многих?

– Приходилось (не без удовольствия). А меня – ни разу. И по очкам проигрывал редко.

– Уши не откусывали?

– (Улыбается) Не-ет. Хотя Майк Тайсон мой любимый боксер.

– Зарабатывали боксом на жизнь?

– Вы что! Все время забываете, что я уже старый: в те времена боксом нереально было заработать. Тогда солнце было еще мохнатым... Хотя какие-то льготы при помощи спорта я все же себе выбивал. Увольнительные с учебы на тренировки давали.

– Вы рассказывали, что по жизни драться приходилось часто. Ни разу не били человека насмерть?

– Этак и дело мне можно пришить... Я после драки уже не разбирался. Бывало, что меня били сильно, бывало, что бил я. Но там другие механизмы в действие приходят: там выжить нужно.

– А честь женщины защищать приходилось?

– Да. Но об этом не рассказывают. Я защищал свою семью.

– Удалось?

– Однозначно! Вот в этот раз именно нокаутировал (смеется).

– В Москву переезжать не собираетесь?

– Здесь совершенно точно больше работы, чем в Петербурге. Но у меня семья, жена, много детей, собака, вещи, и всех их перевозить...

– Двое же вроде детей...

– Так в наше время это уже много! Хотя не будем останавливаться на достигнутом. У нас все еще впереди.

– Чего бы вы для них хотели?

– Чтобы они выросли нормальными людьми и были счастливы. Вот только актерами им стать не желаю. Нет, конечно, не буду препятствовать, но обидно, если они будут отравлены этой прекрасной профессией и их карьера хотя бы на

одну сотую долю будет хуже, чем у меня. Для меня это будет катастрофа. Думаю, что и для них тоже. Поэтому нужно к таким вещам относиться очень аккуратно.

– **Считаете, у вас хорошо складывается карьера?**

– В общем, пока да. Нормально.

– **Театр в ней на каком месте?**

– На первом. В любом случае. Ради театрального проекта могу отказаться от многого. Хотя предложениями большого кино не пренебрегаю: слишком их мало. Сегодня откажешься – завтра шанса уже не будет. Время идет, мне уже тридцать четыре, а ничего не сделано для бессмертия.

– **А что для него нужно сделать?**

– Как можно больше работать. Не хочется постоянно быть в одном и том же амплу, играть однообразные роли. Пусть меня используют разнопланово.

– **Может, все дело в том, что ваша внешность располагает только на такие роли – мачо, спасающий мир?**

– (Обиженно, набычившись) Почему? Кто это сказал?

– **Ну как... Не subtilного Ромео же вам, в самом деле, играть!**

– Вот (торжествующе)! Видите как вы сразу. А кто сказал, что Ромео subtilный? Вы сделайте наоборот! Просто мысль работает у всех в одном направлении, боясь экспериментировать. Театр в этом смысле более свободный, чем кинематограф, потому что не завязан на огромное количество денег. Мы все знаем Гамлета Смоктуновского. Но, однако, Мэл Гибсон, герой боевиков, тоже сыграл Гамлета. Не скажу, чтобы это было очень плохо. Просто мы не привыкли к этому. Как известно, Гамлет был рыжим и толстым – а ведь никогда у нас такого еще не было. Поэтому кто знает, какков был Ромео. А может, это взрослые люди, и у них последняя любовь, а не первая? Страсть-то и там, и там сильна. Так что все возможно. Мне предлагают разные роли. Есть режиссеры, которые не боятся. Они видят меня не только в качестве большого сильного человека. Выбирают амплу простых, застенчивых, скромных. Дима Месхиев, например, Прошкин Александр Анатольевич. С ними я могу работать на полную катушку. И это меня радует.

– **С кем из актеров дружите?**

– Хабенский Константин Юрьич! Лучший друг, соратник и старичок. Больше всего с ним общаемся, работаем часто вместе. Мы оба в свое время многое сделали для того, чтобы нас заметили.

– **Как думаете, в кино вас заметили из-за внешности?**

– Да что в ней такого? Самая обыкновенная. Кто-то говорит, что я симпатичный, но на обаянии же далеко не уедешь.

– **Поклонницы в любви признаются, в подъезде имя пишут?**

– Признаются. А подъезд у нас закрытый, слава Богу. И двор тоже (смеется). Но по телефону звонят, после спектакля встречают. Цветы, конфеты, алкогольные напитки, игрушки дарят. Очень приятно.

– **Когда домой звонят, не раздражает?**

– Нет, конечно. Со многими девушками я нормально разговариваю. Пытаюсь никого не обижать. Тем более, когда задают простые добрые вопросы.

– **Что самое красивое сделали во имя любви?**

– Детей. Лучше пока ничего не было. Это вообще самые удачные роли в моей жизни.

– **Есть поступки, в которых раскаиваетесь?**

– Есть, но рассказывать не буду. С ними и помру.

– **«Сирано» давно репетируете?**

– Нет, только начали. По сути сегодня первая серьезная репетиция.

– **А премьера уже в конце мая. Успеете?**

– А что делать. Отступать некуда – позади Москва.

– **Каждый раз на репетицию из Питера прилетаете?**

– Я тут в гостинице просто живу.

– **Часто дома бываете?**

– В последнее время очень редко. Постоянные разъезды. Недавно были в Киеве, потом в Париже, Марселе, сейчас Урал, потом Новосибирск, разные спектакли: питерские, мхатовские, «Утиная охота». Жена, когда сына выносит, говорит: «Ну вот, посмотри: папа с фронта вернулся».

– **Здоровый образ жизни ведете, не курите?**

– Не курю. Продолжаю заниматься спортом, хожу в тренировочный зал, пытаюсь подвигать железо.

– **И не пьете?**

– Ха! (Смотря на меня с прищуром, удивленно) Да кто ж в нашей стране не пьет-то, вы мне скажите? На праздники, с друзьями, с удовольствием.

– **Мечта есть?**

– Да трудно сказать. Есть, наверное. Они у меня сбываются потихоньку: вот мечтал сыграть Сирано – играю.

Встречалась Ника ДРАБКИНА

ДОСЬЕ «ВК»

МИХАИЛ ПОРЕЧЕНКОВ родился в 1969 году в семье морского офицера. Школу окончил в Польше. Учился в Таллинском военно-строительном училище, откуда был изгнан за десять дней до выпуска «по совокупности прегрешений». В 1996-м поступил в Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии. Работал в питерском театре «На Крюковском канале», потом перешел в Театр имени Ленсовета (ныне Открытый театр), играл у режиссера Юрия Бутусова с Константином Хабенским в пьесах по Бюхнеру, Камю, Беккету, Набокову. Кандидат в мастера спорта и призер чемпионата Эстонии по боксу. Женат во второй раз. Его нынешнюю жену зовут Ольга, она учится в художественной академии. От первого брака у Михаила трехлетняя дочь Варя, от второго – сын. Самая знаменитая роль – Леха Николаев в сериале «Агент национальной безопасности». Снял также в картинах «Колесо любви» (1994), «Тело будет предано земле, а старший мичман будет петь» (1998), «Горько!» (1998), «Особенности национальной политики» (1999), «Механическая сюита» (2001).